

Из почты "ОНС". СОЦИАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Автор: Т. В. ПАНФИЛОВА

Во второй половине XX в. социальная ориентация стала обычной для психоанализа благодаря усилиям ряда неофрейдистов, среди которых хотелось бы выделить К. Хорни, Э. Фромма, Г. Салливана, Дж. Боулби. Первые годы XXI в. показывают, что эта тенденция продолжает развиваться и укрепляться. Свидетельством тому стал XIII Международный форум по психоанализу, проведенный Международной федерацией психоаналитических обществ в августе 2004 г. в Белу-Оризонти (Бразилия).

Тема форума, на первый взгляд, имела мало общего с социальной проблематикой и звучала весьма экзотично: "Многоликость извращений". Однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что традиционную проблематику многие психоаналитики переосмысливают в социокультурном ключе, не ограничиваясь обычным анализом индивидуальных особенностей психосексуального развития и перенесенных в детстве психических травм. Больше того, наблюдается тенденция к расширительному объективистскому истолкованию самого понятия "извращение", вследствие чего оно сближается по смыслу с принятым в социологии понятием девиантного поведения и обозначает любое отклонение от социальной нормы. Применительно к области сознания и мышления извращением теперь называют любые искажения действительной картины мира, связанные с воздействием идеологии и пропаганды. Тем самым под понятие "извращение" подпадает все то, что К. Маркс называл "ложным, или извращенным, сознанием", приравнивая его к идеологии. В этом отношении ссылки на Маркса стали обычным делом.

Отмеченная тенденция сказалась в названии ряда секций форума, придав им парадоксальный вид, например "Извращение, политика, идеология" или "Извращение и право". Та же тенденция дала о себе знать в непривычных для психоанализа мотивах, прозвучавших в докладах и выступлениях, как то: реакция человека на политическое насилие, роль социальных институтов в формировании извращенного сознания, влияние массовых коммуникаций на возникновение и формы проявления отклонений всякого рода. Даже когда извращение рассматривается в традиционном для психоанализа плане, современные психоаналитики склонны обращать внимание на социокультурный контекст, способствующий их проявлениям.

Массовая переориентация психоаналитиков на общественную проблематику представляется мне вполне созвучной требованиям времени, вынуждающим по-новому взглянуть на причины неврозов и особенности их проявления. Возьмем, например, гомосексуализм, традиционно считавшийся половым извращением, то есть разновидностью невротических отклонений. Правомерно ли считать его таковым и сегодня?

На мой взгляд, он уже превратился в общественно значимую проблему. Учитывая, что в некоторых странах однополые браки уже узаконены или находятся в процессе легитимации, вопрос об определении психической нормы и патологии переходит из области психологии в сферу правопедания. Можно ли сегодня удовлетвориться традиционным психоаналитическим объяснением этого явления как попыткой избавиться от страха перед угрозой кастрации?

Боюсь, что нет. Ведь в массе своей нынешние приверженцы однополых браков не спешат обращаться к психоаналитикам, считая себя вполне нормальными, в чем их убеждает законодательство ряда стран. И хотя нельзя исключить того, что среди гомосексуалистов встречаются нуждающиеся в психоаналитическом лечении, в целом, по-моему, это явление приобрело характер моды, идеологически инспирированной и идеологически же поддерживаемой. Движение за узаконение однополых браков прекрасно вписывается в атмосферу вседозволенности, которую идеологи частенько (и намеренно!) отождествляют со свободой и спонтанностью проявлений. Благодаря идеологическому обеспечению это движение представляется борьбой за права человека, участники которой чувствуют себя героями, избавляющими человечество от ограничений традиционной морали. В пылу "освободительной" борьбы как-то само собой забылось восходящее к Б. Спинозе определение свободы как саморазвития на собственной основе, а также давно разработанное в философии различие "свободы от..." и "свободы для...", опирающееся на гуманистическое представление о саморазви-

Панфилова Татьяна Васильевна - доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного института международных отношений (У) МИД РФ.

тии личности в качестве критерия общественного развития. Все это отодвигается на второй план, когда речь заходит о "свободном" проявлении полового влечения.

Фрейд исходил из допущения, согласно которому существует всеобщая психосексуальная норма, свойственная всем людям во все времена. Именно поэтому он считал извращение отклонением от нормы. Но более тщательные исследования психосексуальных проявлений в условиях различных культур и социальных организаций показали, что Фрейд позволил себе необоснованное обобщение. Исследования культурантропологов, работавших в 20 - 30-е гг. XX в. на островах Тихого океана, свидетельствуют о том, что в разных общественно-культурных системах психосексуальные нормы различаются; соответственно, по-разному проявляются и отклонения от норм, если таковые вообще имеют место.

Еще более определенную позицию по данному вопросу заняли неопрейдисты. Опираясь на собственную психоаналитическую практику, Хорни и Фромм показали, а затем теоретически обосновали, что психические нормы определяются не биологически обусловленным половым влечением, а социокультурной системой, в которой человек воспитывается. И то, что в одной культуре считается нормой, в другой может рассматриваться как патология. Коль скоро нет раз и навсегда данной психосексуальной нормы, приходится признать, что у нас нет и не может быть абсолютного критерия для определения того, какое проявление нормально, а какое - извращено. Пример с гомосексуализмом показывает социальный и относительный характер норм, в том числе сексуальных.

Так, по поводу возникновения женской формы гомосексуализма - лесбиянства - в одном из выступлений было высказано предположение, что она утвердилась в Древней Греции в знак протеста против доминирующего положения мужчин, которые позволяли себе все, вплоть до однополый любви, и против приниженого положения женщин, сопровождавшегося всевозможными ограничениями как общественного, так и сексуального порядка. Думаю, в этом предположении есть резон. Я бы со своей стороны добавила, что гомосексуализм вообще имеет общественную природу и никак не связан с биологически обусловленными механизмами. Достаточно сослаться на то, что в животном мире подобных проявлений не зафиксировано.

На мой взгляд, гомосексуализм возник в обществе, достигшем такой степени стабильности и обеспеченности, когда его физическое выживание могло уже поддерживаться как бы само собой, а потому перестало быть целью общественного производства. В этих условиях высшие слои общества могли позволить себе не столько заботиться о производстве потомства, сколько поддерживать свое привилегированное положение, демонстрируя собственное всемогущество путем разрыва с человеческим естеством. Протivoестественное, вероятно, представлялось сродни сверхъестественному, а значит, особо ценилось. Похоже, отголоски этих представлений дают о себе знать вплоть до настоящего времени в увлечении однополыми привязанностями.

Традиционный психоанализ не включал ценности в предмет своего рассмотрения, их существование принималось как некая данность. Психоаналитик, размышляя о том, какую роль он должен играть в жизни своего пациента, вторгается в область межличностных отношений и господствующих в обществе ценностей. В развитие гуманистических традиций предлагается относиться к пациенту не только как к страдающему человеку, нуждающемуся в помощи, но и как к самостоятельной, ответственной личности, обладающей собственными ценностными установками.

Особенно важен гуманистический подход к детям и подросткам. Интерес к детским переживаниям традиционен для психоанализа, однако сегодня и здесь заметен социальный крен. Многие психоаналитики озабочены психическим состоянием детей и подростков - в основном, из малоимущих слоев общества, из неблагополучных семей или вовсе лишенных попечения родителей. Необходимость систематического контакта ребенка с родителями, особенно с матерью, подчеркивается в популярной ныне теории привязанности, разработанной неопрейдистом Дж. Боулби. И хотя идея эта не нова - она активно разрабатывалась в советской психологии, - сегодня психоаналитики обращаются к ней, опираясь на психоаналитическую практику. В противовес положениям Фрейда об эдиповом комплексе как биологически обусловленной основе противоречивых отношений ребенка с родителями, в теории Боулби утверждается, что именно привязанность ребенка к матери играет определяющую роль не только в его психосексуальном развитии, но и в его отношениях с другими людьми. По сути, связь между матерью и ребенком уже не считается исключительно биологически обусловленной; напротив, подчеркивается ее общественный характер.

К чести современных психоаналитиков, особенно из стран Латинской Америки, надо сказать, что они не ограничиваются изучением неблагополучных детей и подростков, но и занимаются их социальной адаптацией. Хотелось бы отметить работу мексиканских коллег с подростками, по разным причинам

оставшимся без попечения родителей. Психоаналитическая методика позволяет им разобраться во внутренних причинах отклоняющегося поведения или извращенной психики неблагополучных подростков. А дальше следует образовательно-воспитательная работа либо по ликвидации безграмотности, если подросток не ходил в школу, либо по изменению системы ценностных ориентации, либо по обучению его какому-нибудь ремеслу и т.д. Тем самым психоанализ перестает быть делом двух людей - психоаналитика и пациента; он переходит в сферу общественно значимой деятельности. Создается основа для плодотворного сотрудничества психоаналитиков с представителями других направлений психологической мысли, а также с педагогами, социологами, культурологами. И хотя проблему детской безнадзорности таким образом разрешить нельзя в силу ее общественной, а не психологической природы, можно исправить индивидуальную судьбу, насколько это позволяют условия общества.

Мне представляется целесообразным совместно с психоаналитиками из стран третьего мира наладить обмен опытом по работе с безнадзорными детьми, поскольку проблемы у нас сходные и интерес, надо полагать, будет обоюдным. Думаю, что зарубежным коллегам было бы небезынтересно ознакомиться с накопленным в нашей стране опытом по успешной ликвидации безграмотности и беспризорности в постлереволуционные годы - опытом, полученным без обращения к психоанализу за счет прямого вмешательства в социальные проблемы. К сожалению, проблема безграмотности и безнадзорности подрастающего поколе-

стр. 167

ния вновь стала у нас весьма актуальной, а имеющийся опыт по успешному ее разрешению в значительной мере остается невостребованным. Российским педагогам и психологам также будет интересно и полезно познакомиться с работами современных психоаналитиков - как по анализу психических переживаний неблагополучных детей и подростков, так и по их социальной адаптации.

Заслуживает внимания творческий подход современных психоаналитиков к проблемам социального характера - этого социально-психологического механизма, выполняющего функцию связующего звена между экономическим базисом и идеологической надстройкой. Соответствующие наработки Фромма не утратили своей актуальности, однако, подобно любому другому научному положению, они нуждаются в дальнейшей разработке применительно к меняющимся условиям. И в этом отношении хотелось бы сослаться на опыт мексиканских коллег, предпринявших ряд исследований социального характера жителей мексиканских деревень, причем исследований, имевших не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку правильное представление о типичных чертах характера определенного общественного слоя или национального меньшинства дает возможность эффективнее построить социальную и культурную политику.

Впрочем, сегодня уже недостаточно говорить о социальных характерах отдельных общественных слоев или даже обществ; пора обратить внимание на становление всеобщего социального характера, осмысление которого требует философского взгляда на тенденции всемирной истории, их общественное и человеческое содержание. Мне представляется, что социальный характер эпохи глобализации отличается от "рыночного" характера, который Фромм в свое время справедливо считал доминирующим. Нынешний социальный характер складывается на основе глобальных коммуникаций и всемирных взаимоотношений, каковые обеспечиваются средствами массовой информации и Интернетом. Я предлагаю называть современный тип всеобщего социального характера "информационным".

Для "информационного" человека нормально только то, что он получил из компьютера или из масс-медиа, а не из собственного опыта, поскольку общественно значимое содержание сконцентрировано для него в передаваемой информации и предоставляется в готовом виде, не требуя личностной критической оценки. Виртуальная реальность оказывается для него более значимой, чем сама действительность. Чтобы стать значимой для современного человека, действительность должна быть опосредована компьютером или средствами массовой информации. Без опосредствования человек ее не воспринимает: она еще не стала для него "информацией". Тенденция к "информационному" обществу, нуждающемуся в "информационном" же характере, сложилась под влиянием современных форм глобализации и наблюдается по всему миру, хотя и в разной степени.

Изменения в социальном характере не могли не сказаться на проявлениях, традиционно причисляемых психоанализом к извращениям. Возьмем, например, разрушительность, обстоятельно описанную и осмысленную Фроммом в работе "Анатомия человеческой деструктивности". Со времени написания книги разрушительность предстала в несколько ином свете. Так, Фромм считал деструктивность реакцией на недостаток созидательности. Поскольку сегодня творческая созидательность направляется и ограничивается компьютером, получается, что недостаток созидательности социально запрограммирован и воспринимается

как должное. Например, виртуальная реальность - человеческое изобретение, но человек вынужден подчиняться ее правилам, чтобы включиться в виртуальные процессы. Сбываются наихудшие предвидения Фромма: компьютер из обслуживающего механизма превращается в предмет, господствующий над человеком. Тем самым наша способность к созиданию, как ни странно, изначально обречена на то, чтобы осуществляться "омертвленно", поскольку вынуждена подчиняться безжизненным схемам. Думаю, что Фромм оценил бы такую реализацию творческих способностей человека как некрофильскую и извращенную, хотя она и кажется сегодня нормальной.

Считая разрушительность проявлением садизма и некрофилии, рассматривая ее как своего рода извращение, Фромм показал, что она коренится в социальном характере и ее подлинный источник - особенности современного общества, среди которых выделяются политический эгоизм и религиозный фанатизм. Хотя явления подобного рода существовали на протяжении всей истории человечества, сегодня они особенно резко заявляют о себе тем, что приобретают глобальный характер. Современные формы глобализации стимулируют подобные проявления, поскольку обостряют противоречия между бедными и богатыми странами, в результате которых бедные беднеют, а богатые богатеют. Углубление общественно-экономических противоречий способствует деструктивной ориентации характера. "Посильный" вклад в этот негативный процесс вносят и средства массовой информации: нелегко найти в них упоминание о таких ценностях, как человеческие отношения или развитие личности, зато пропаганда насилия в них представлена превосходно. В результате разрушительность приобрела всеобщий характер и воспринимается как нечто обыденное и, стало быть, нормальное. Полагаю, что мы имеем дело с явлением, которое Фромм называл "патологией нормальности".

С деструктивными проявлениями, особенно с терроризмом, мы сталкиваемся повседневно. С точки зрения классического психоанализа, террорист, взрывающий дом вместе со всеми его обитателями, - извращенец. Но что делать с таким человеком, если он уцелеет после взрыва: лечить его психоаналитическими методами или отдавать под суд? Разумеется, речь идет о человеке вменяемом, с каковым и имеет дело психоанализ. Вменяемый же человек обязан нести ответственность за совершенные поступки, поскольку, с гуманистической точки зрения, является самостоятельным субъектом собственных действий. Кстати, у Фромма есть подходящее для подобных случаев определение: патология личности, чем подчеркивается, что речь идет не о болезни, а об искаженном отношении человека к миру, каковое складывается при активном участии его самого.

Стало быть, отдельно взятого террориста нужно судить, чем, впрочем, не исключается психоаналитическое вмешательство. В то же время мы не имеем права упускать из виду социальные корни терроризма. Он возник не потому, что существуют невротики-извращенцы; напротив, люди с соответствующими психическими отклонениями используются определенными социальными силами, превращающими их в террористов, ибо на них есть спрос в нашем конфликтном обществе. И неважно, какие культурные, религиозные или по-

литические ценности задействуются как идеологическое прикрытие терроризма. Важно, что предпочтение отдается социальным абстракциям по сравнению с развитием конкретной личности. И осуждая отдельно взятого террориста, возможно, действительно, пережившего в детстве травму, вызвавшую невроз, следует выступить против социальных условий, способствующих подобным проявлениям.

Выражаю солидарность с теми, кто считает, что психоанализ сегодня не имеет права ограничиваться только лечением. Задача нынешнего психоанализа шире, чем у традиционного психоанализа; необходимо активно вмешиваться в социальные процессы, используя гуманистический потенциал психоанализа. Правда, подобное вмешательство требует пересмотра многих положений психоаналитического учения. Такая работа ведется, хотя, на мой взгляд, не всегда последовательно. Со своей стороны хотела бы подчеркнуть два момента.

Во-первых, ряд понятий традиционного психоанализа, в том числе, и извращение, следует переосмыслить в гуманистическом духе. Современные формы глобализации бросают вызов гуманизму, порождая процессы, которые я бы назвала "извращением гуманизма", ибо они подрывают самую основу человеческого существа. Пока психоаналитическая терминология не будет пересмотрена в соответствии с реалиями нашего времени, психоаналитики будут вводить в заблуждение и себя, и других, отыскивая попытки пациента избежать

кастрации там, где в действительности имеют место социальные противоречия эпохи глобализации. Тем самым теоретические аспекты психоанализа оказываются сегодня не менее важными, чем практические.

Во-вторых, полагаю, что психоаналитикам следовало бы принимать участие в воспитании и образовании детей в духе гуманизма с тем, чтобы предотвращать возникновение неврозов. Конечно, переориентация психоанализа на профилактику неврозов потребует от врачей серьезной перестройки их мировоззрения. Однако нельзя не признать, что с гуманистической точки зрения непродуктивно дожидаться, когда невротические проявления дадут о себе знать, с тем, чтобы начать их лечить. Подобная профилактика предполагает решение двуединой задачи: как индивидуально психологической, так и общественной, ибо без общественных изменений она неразрешима.

Новые задачи требуют более солидного мировоззренческого и методологического обеспечения, чем натурализм Фрейда. В надежде получить философское подкрепление некоторые современные психоаналитики, на мой взгляд, ошибочно увлеклись теорией Ж. Лакана. Так, никто из психоаналитиков - сторонников этой "теории" не смог показать, что у Лакана вообще есть теория в общепринятом смысле слова, то есть система доказательных положений, раскрывающая закономерные, существенные связи исследуемого объекта. В действительности Лакан дал описание "мозаичного" сознания "частичного" человека эпохи постмодерна, отчужденного как от других людей, так и от самого себя. Описание в значительной мере верное, но ничего не объясняющее и никаких закономерностей не раскрывающее, а потому негодное в качестве методологической основы исследования.

Выглядящие привлекательными положения "теории" Лакана либо не новы, либо противоречивы. Например, некоторых психоаналитиков привлекает его призыв не довольствоваться анализом психических особенностей человека, а переходить к реальному действию. Совершенно правильное положение, но причем тут Лакан? Разве за сто лет до него ничего подобного не говорил К. Маркс?

А разве есть что-то новое в утверждении Лакана о принадлежности каждого человека к определенной культуре и необходимости рассматривать его в контексте данной культуры? К тому же оно противоречит другому его положению, согласно которому "нехватка чего-либо", обуславливающая постоянное стремление человека восполнить этот недостаток, представляет собой отличительную особенность человека вообще. Но ведь если человеческая психика зависит от культуры, а культурные системы разнообразны и изменчивы, то логичнее было бы предположить, что "нехватка чего-либо" - отличительная черта психики, сформировавшейся под влиянием определенного типа культуры, а не характеристика человека вообще. Такая особенность психики характерна для западноевропейской культуры, которую О. Шпенглер называл "фаустовской", чтобы подчеркнуть ее стремление к бесконечному расширению как познания, так и реального поля деятельности; попросту говоря, стремление к захвату все новых территорий и распространению на них "фаустовского" типа культуры. Что же касается древних восточных культур, такая особенность может в них и не встречаться.

Думаю, что увлечение "теорией" Лакана объясняется не ее реальными достоинствами, а тем, что ее автор говорит на языке психоанализа, затрагивая психоаналитическую проблематику, и потому кажется психоаналитикам "своим" философом. Боюсь, однако, что это видимость. Незаметно, чтобы "теория" Лакана справлялась с методологической функцией, будь то по отношению к теоретическим разработкам психоаналитиков или к их практике. В практической работе психоаналитики опираются либо на интуитивно нащупанные положения деятельностного подхода, внедренного в психологию советскими исследователями школы Л. Выготского - А. Леонтьева, либо на близкие к нему по духу теории неофрейдистов, особенно Фромма и Боулби, которые, в свою очередь, опирались в какой-то мере на Фрейда, но гораздо больше на Маркса.

Таким образом, современный психоанализ преимущественно ориентирован на социальную проблематику, осмысливаемую с гуманистических позиций. Представляется обоюдно полезным поддерживать теоретические контакты с носителями этой тенденции, а также обмениваться с ними опытом практической работы. Психологи и философы, опирающиеся на культурно-исторический подход, могли бы помочь современным психоаналитикам разобраться в социальной проблематике. В то же время современные попытки переосмыслить психоанализ в социальном плане подсказали бы российским психологам и философам, насколько актуальны исследования общественных проблем с гуманистической точки зрения и насколько ограничены возможности популярных ныне подходов - постмодернистского в философии и бихевиористского в психологии.

